

А.А. Хлевов

НАЧАЛО ЭПОХИ ВИКИНГОВ — О ПРАВОМОЧНОСТИ ФОРМУЛИРОВКИ

В статье подвергается сомнению обоснованность нижней хронологической границы эпохи викингов, традиционно связанной с рубежом VIII–IX вв. Демонстрируется, что сами по себе походы в Западную Европу не являются основанием для выделения новой исторической эпохи в Скандинавии. Рассмотрены отдельные аспекты материальной и идеологической культуры Скандинавии. Автор делает вывод, что существенные изменения в жизни скандинавского общества происходили около 500 и около 900 гг.

Ключевые слова: эпоха викингов, начало походов викингов, социальные структуры, контактные зоны.

A.A. Khlevov

BEGINNING OF THE VIKING AGE: THE VALIDITY OF THE WORDING

In the article, the validity of the early chronological boundary of the Viking Age, traditionally associated with the VIII–IX centuries, is questioned. It is demonstrated that the raids in Western Europe alone are not grounds for singling out a new historical era in Scandinavia. Some aspects of the material and ideological culture of Scandinavia are considered. The author concludes that significant changes in the life of Scandinavian society occurred around 500 and about 900 years.

Keywords: the Viking Age, the beginning of Viking raids, social structures, contact zones.

Общепризнанность датировки начала эпохи викингов — 793 г. (реже — 789 г.) — не может скрыть от нас более широкой проблемы почти мировоззренческого характера. Наступила ли на самом деле новая историческая эпоха и является ли критерий (критерии?), по которому она выделяется, достаточно значимым? Отдельный и не менее дискуссионный вопрос — вопрос о завершении эпохи викингов, то есть о ее верхней хронологической границе, однако он, безусловно, требует отдельного и не менее обстоятельного обсуждения.

Актуальность проблемы диктуется, с одной стороны, широким и лавинообразным распространением информации о Скандинавии соответствующего времени на фоне популярности темы викингов в массовой культуре.

Степень искажения реальности при этом бывает чрезвычайно высока. При этом экспертное сообщество обязано генерировать и предлагать обдуманные и обоснованные датировки и тезисы для использования на этапе популяризации.

С другой стороны, исследователям необходимо самим понимать реалии этого времени, имея в сознании достаточно четкую картину социальной, политической и культурной трансформации в целом. Судя по всему, внятная картинка пока не вырисовывается. Располагая достаточно детальными знаниями о материальной культуре этого периода и сопоставимыми по ясности представлениями об идеологии общества раннесредневековых скандинавов, мы по-прежнему достаточно поверхностно представляем себе его социальную структуру и политические интенции. Ни исландское общество «века саг», ни скандинавские социальные институты XI–XIII вв. не могут быть буквально экстраполированы на Скандинавию рубежа VIII–IX вв. или, тем более, вендельское время. Именно поэтому затруднительно детально представить себе, каковы были изменения в скандинавском обществе в эти периоды и имели ли они место вообще.

Непреложной истиной остается только тотальная асинхронность социальных и политических процессов, шедших в Скандинавии, аналогичным процессам в Западной Европе, а также изрядное хронологическое рассогласование Севера с Восточной Европой. Причем расхождения эти нарастали, в результате чего периодизация истории Скандинавских стран слабо соотносится с западноевропейской и представляет собой отдельную реальность. Однако не следует называть эти расхождения «запаздыванием», скорее в пору говорить об особом «скандинавском пути развития».

В частности, поэтому хронологические границы периодов скандинавской истории мало или весьма опосредованно связаны с событийным фоном истории западноевропейской.

Принятое в философии истории деление исторических времен на хроносы и кайросы дает возможность сформулировать проблему на концептуальном уровне. Мы принимаем за хронос относительно равноускоренное течение исторического бытия, а за кайрос — смену исторической парадигмы и точку бифуркации исторического процесса. В наиболее лаконичном виде проблема формулируется так: имел ли место кайрос в истории Северной Европы около 800 г., в чем конкретно он выражался, есть ли географическая дифференциация этого процесса в отдельных локусах Скандинавского мира?

Очевидны два подхода к рассмотрению вопроса. Либо мы предполагаем, что в скандинавском обществе произошли какие-то существенные социальные и, быть может, политические сдвиги, следствием чего стали массовая экспансия вовне и оживление внутренних столкновений. Тогда эти сдвиги должны быть хронологически локализованы в середине — второй половине VIII в. Либо, напротив, мы должны предположить, что начало массовых походов в Западную Европу само привело к заметным изменениям в скандинавском обществе непосредственно в начале 800-х годов, что легитимизирует выделение новой исторической эпохи. Поэтому ответ на поставленный троичный вопрос лежит в плоскости поиска конкретных переломов либо в материальной, либо в социальной жизни этого ограниченного периода. А учитывая, что история все же является наукой об обществах, а не о материальной культуре как таковой, социальные трансформации выступают как приоритетные.

Комплексный анализ любой культуры предполагает ее разделение на составные части согласно той или иной используемой схеме морфологии культуры. Автор обычно пользуется предложенной им в 2002 г. двенадцатичастной моделью культуры¹. Однако далеко не все из составляющих культурного поля доступны для анализа и, что важнее, имеют для нас значение при решении этого вопроса. Существенными являются трансформации в области информационно-коммуникативной традиции (включая сдвиги в ментальности), социальной сфере, в области материального производства, изменения поселенческих структур.

Не покидая поля материалистического анализа, начнем тем не менее с вполне интерфейсного явления — с идеологии и знаково-коммуникативной сферы. Наиболее ясным индикатором перемен в информационной культуре выступает руническая письменность. Как известно, разделение истории рун на два периода (старше- и младшерунический) является серьезным упрощением — между ними наличествует крайне интересный и важный период поиска новых форм, именуемый переходным². Этот период длится примерно с 600 по 900 г. Безусловно, процесс эволюции рунического письма был весьма нелинейным, а мизерное количество надписей (немногим более 60) отражает этот период крайне фрагментарно. Однако в целом его хронология убедительно демонстрирует отсутствие каких-либо революций, которые можно привязать к началу походов на Запад. «Ломка» традиций началась задолго до эпохи викингов, а ощутимые результаты проявились спустя минимум столетие после ее начала.

Отмеченная в свое время А.Я. Гуревичем «языческая реакция» (в форме реновации языческих погребальных практик и пр.)³ носила, безусловно, достаточно локальный и сиюминутный характер и также не может быть признана основанием для членения на эпохи. Очевидно, что столь узкий сегмент повседневности не является базой для заявлений об исторической революции.

Наличествующие источники, к сожалению, слабо освещают социальные процессы ранней эпохи викингов в Скандинавии. Внятные данные имеются для X–XI вв. и преимущественно для Исландии, о континентальных территориях мы знаем существенно меньше. Однако и в этом сегменте можно сделать некоторые умозаключения. Структура северного общества сложилась в своих основных чертах в эпоху бронзы. Доминирующая прослойка свободного населения; незначительно возвышающаяся над ним родо-племенная знать, определяющая границы небольших королевств; сравнительно небольшое (и стабильное) число зависимого населения; дифференцированные от основной массы и обособленные по социальному статусу ремесленники-специалисты и, возможно, жречество. Эта структура, с незначительными изменениями, доживает до начала настоящего политогенеза в Скандинавии в X–XI вв. Ответвления в виде специфической исландской общественной системы остаются именно ответвлениями, и у нас нет оснований думать, что социальные структуры претерпели в самой Скандинавии заметные изменения за две с лишним тысячи лет. Собственно, именно эта устойчивость и обеспечила высокую преемственность констант северной культуры. Отдельным вопросом остается процесс кристаллизации дружинных структур. Без сомнения, походы на Запад его ускорили и активизировали. Однако и Тацит, и находки в Иллерупе⁴, и прочие многочисленные данные убедительно свидетельствуют, что дружины при конунгах были реальностью на рубеже эр и, несомненно, существовали и ранее⁵. Собственно, освоение и частичная колонизация балтийских побережий в V–VIII вв. были осуществлены в основном их руками. Поэтому дружинники как социальная прослойка никак не связаны в своем генезисе с концом VIII в.

Социальные вопросы напрямую увязаны с проблемой импортов и, в частности, арабского и английского серебра. Начало распространения арабского серебра в Восточной Европе и Скандинавии и выпадение его в виде кладов достаточно прочно увязаны с концом VIII — началом IX в. Не вызывает сомнения, что приток этой валюты чрезвычайно способствовал имущественной маркировке отдельных личностей и семей, росту их

социальной значимости и влияния. Эти изменения, впрочем, мало отражались на реальной экономике, поскольку ввозимые богатства не являлись капиталом в экономическом смысле этого слова. Сфера «престижной экономики» чрезвычайно активизировалась, причем это проявлялось прежде всего в социальных изменениях. И здесь существовали явные различия между восточной и западной частями скандинавского мира. Норвежцы и датчане, ходившие в Европу, просто не имели перед собой аналогов восточного серебра. Монастырские сокровища вряд ли были сопоставимы с пресловутым «миллиардом долларов в дирхемах», перекачанным через Русь на Север, а британское серебро в ощутимых количествах стало выкачиваться достаточно поздно, уже в X в. Однако, несмотря на несопоставимость жизненного уровня Европы и азиатского мира, походы в обоих направлениях приносили прибыль в форме престижа. Фактор неравномерного обогащения производил существенные социальные перемены, поднимая статус удачливых участников походов. Существенным при этом было то, что в условиях рассеянной экспансии и самоорганизующихся дружин богатства и престиж концентрировались не только и не столько в руках племенных авторитетов, сколько в среде «среднего класса». Это не приводило к росту влияния знати и конунгов, поскольку обогащались многие бонды, и процесс концентрации власти и первичного политогенеза искусственно тормозился. Вероятно, именно этим объясняется относительная замедленность централизации государства в Швеции, извлекавшей, казалось бы, основные выгоды из походов.

С этой точки зрения условный 800 г. выступает как вполне обоснованная хронологическая веха, с которой связаны существенные, очевидные и достаточно быстрые изменения в жизни общества. Ближайшая аналогия — так называемый римский железный век, выделяемый в силу притока значительного количества римских импортов в заселенные германцами области Северной Европы. Однако остается вопрос, сколь существенны были изменения внутри самого германского общества в том и другом случае и имеются ли у нас основания говорить о новой исторической эпохе. Поэтому, признавая «революцию импортов» после 800 г., мы должны с прежней осторожностью помнить о ее пределах.

Логично ожидать ощутимых перемен в материальной культуре. Однако ее трансформация принципиальна для нас далеко не во всех сферах. Так, изменения в стилистике орнаментов и предпочитаемых формах украшений не могут быть признаны репрезентативными в достаточной мере. Наряду с внутренней логикой развития стилей декоративно-прикладного

искусства, проистекающей из господствующих в культуре вкусов, появление внешних импульсов является важным, но абсолютно нелинейно действующим фактором. Главное — то, что украшения сами по себе не отражают в полной мере социальных трансформаций. За время эпохи викингов сменилось как минимум три стиля (и то если следовать традиционной искусствоведческой классификации⁶). А в реальности дело было еще сложнее, и весьма трудно увязать смену стилей с социальными и политическими переменами, если даже допустить наличие такой связи.

Такой базовый показатель, как изменения в структуре расселения и типе поселений, также не обнаруживает заметных кризисов в интересующий нас период. Архетип северного поселения, бывшего центром древнейшего одаля, безусловно, складывается, как и социальная модель общества, в эпоху бронзы. Укрупнение поселений на рубеже эр должно рассматриваться как вынужденная мера, связанная с характерной для перехода от бронзы к железу «просадкой» возможностей общества обрабатывать окружающую среду, требовавшей концентрации людей. С уходом части населения на континент в эпоху Великого переселения и уверенным освоением черной металлургии к V–VI вв. в Скандинавии повсеместно восстанавливается привычный тип фермерских поселений, который не испытывает серьезных перемен с началом походов викингов. Постепенное выделение хуторов было естественным процессом, не носившим революционного характера.

В части эволюции оружия, несмотря на всю ее репрезентативность, также обнаруживаются множественные изменения, «размазанные» по историческим периодам. Наиболее яркий предмет вооружения — меч — как ни странно, в этом отношении менее показателен. Концепция «каролинга» имеет внешнее происхождение, сам по себе меч является прямым потомком меровингского оружия, адаптированным для массового производства; изменения в дизайне не обнаруживают непосредственной привязки к историческим событиям. Сугубо скандинавские, однолезвийные мечи крайне интересны, но как раз возникают до начала эпохи викингов и захватывают изрядный ее кусок, активно бытуя в IX в.⁷

В этом отношении показательнее тесно связанные со Скандинавией типы топоров. И здесь достаточно ясно обнаруживается, что «революция», если она и имела место, соотносится скорее с рубежом IX–X вв. Как правило, типы бытуют или до этой эпохи, или после нее (как тип С, продержавшийся с римского времени до начала X в.)⁸.

В сфере судостроения мы, к сожалению, не располагаем достаточно репрезентативными находками наиболее интересующего нас времени (анало-

гичная ситуация сложилась с руническими памятниками). Судно из Квальзунда, блестяще иллюстрирующее самую позднюю фазу гребного судостроения Севера, является последним в ряду «до викингов». Точная его датировка спорна, разброс — от V до VIII в. Общеизвестно отнесение ладьи из Усеберга к категории церемониальных яхт, хотя она и демонстрирует все коррективы, вносимые в технологию судостроения; а этот корабль относится именно ко времени самого первого и значимого периода походов на Запад. В любом случае несомненно точное совпадение распространения паруса и начала походов викингов. Однако если мы не склонны сводить причины походов к появлению парусного мореходства, то это яркое совпадение, в сущности, ничего не дает, во всяком случае не может быть основанием для выделения новой исторической эпохи.

Проблемой остается степень изолированности скандинавского мира от остальной Европы. На Севере выделяются три основные контактные зоны: Ютландия — Германия; Скандинавский полуостров — Британские острова; Скандинавский полуостров — Прибалтика — Восточная Европа.

Из этого зонирования следуют три вопроса. Насколько существенным было влияние континента на Ютландию? Допустимо ли говорить о «захлопнувшейся двери» после Великого переселения народов? Несмотря на отсутствие естественных преград, контакты были минимальны. Начало строительства валов Даневирке в V в. (если не в III в.) демонстрирует изменение в отношениях, хотя не вполне ясно, чем была продиктована эта самоизоляция. Чисто гипотетически можно предположить, что из Ютландии производились набеги на сопредельные территории на юге и система валов строилась как защита от ответных набегов, поскольку «инициатива с юга» представляется менее вероятной. Возможно и влияние аварской угрозы, но, судя по всему, возводить укрепления начали до ее возникновения.

Насколько активными были контакты с Британскими островами? Общеизвестный круг сюжетов прикладного искусства, очерченный находками в Саттон-Ху, Йорке, Венделе, Вальсърде и ряде других мест, свидетельствует о безусловных связях Запада, существовавших в VI–VII вв., не только и не столько с Норвегией и Данией, сколько с внутренними областями Балтийского моря. Не находя внятного отражения в немногочисленных письменных источниках, эти связи ясно фиксируются археологически. Но остается непонятным их характер. Судя по всему, невозможно говорить о каком-либо подобии набегов викингов более позднего времени. Наиболее уместным кажется симбиоз в соответствии с моделью, описан-

ной в эпизоде о принце Амлете у Саксона Грамматика, где у скандинавов и британцев присутствуют достаточно прочные и разноплановые связи между правящими элитами, строящиеся на принципах равноправия. В силу натуральности хозяйства и отсутствия серьезных запасов ценностей говорить о регулярной торговле или привлекательности Британии как объекта грабежа, разумеется, не приходится, как и о массовых контактах населения двух регионов.

В то же время Балтика, безусловно, была наиболее продуктивным регионом с точки зрения интересующих нас следов. С эпохи неолита и бронзового века морской поход как культурный кластер присутствует в жизни скандинавского общества. Были ли принципиальные новшества около 800 г.? Скорее всего, нет. Освоение Балтики было повседневной реальностью на протяжении многих столетий. Для нас наиболее интересным является то, что балтийский участок Восточного пути был прочно освоен скандинавами задолго до начала эпохи викингов. Достаточно общим местом является указание на то, что в вендельское время Балтика стала едва ли не внутренним водоемом для скандинавов из Средней Швеции и с Готланда, и дискутируются лишь интенсивность и хронология этих походов. Однако нередко в фокусе внимания оказывается Прибалтика от Пруссии до Финского залива, в то время как наиболее показательным, на наш взгляд, выглядит практически не упоминаемый в отечественной литературе регион Аландских островов и Юго-Западной Финляндии. Между тем следы скандинавской экспансии здесь очевидны и для гораздо более раннего времени — как минимум с той же эпохи бронзы. Судя по всему, вендельские династы воспринимали эти территории как составную часть своего удела. Прочное включение участков балтийского побережья и островных территорий в орбиту скандинавской культуры произошло достаточно рано. Нашумевшие и не вполне еще осмысленные находки в Сальме на острове Сааремаа убедительно демонстрируют, что к середине VIII в. скандинавы оспаривали друг у друга контроль над балтийскими территориями, но это уже глубоко зашедшая экспансия на давно известных землях.

Суммируя вышесказанное, можно сделать ряд выводов.

Во-первых, отсутствуют универсальные общескандинавские признаки существенных изменений в социально-политической и общекультурной традициях, которые могли бы быть увязаны с началом походов скандинавов в Западную Европу или началом активного функционирования Восточного пути. Привязка нижней хронологической границы «эпохи викин-

гов» к рубежу VIII–IX вв. является примером типично археологической датировки на основании трансформации отдельных сторон материальной культуры и с этой точки зрения выступает элементом археологической хронологии, а не исторической.

Во-вторых, дифференциация между регионами Северной Европы оставалась достаточно серьезной, несмотря на наличие единой культурной традиции. Включение в экспансию викингов было неравномерным и принимало разные формы в отдельных регионах, а ряд из них вообще оставался практически в стороне от нее. С этой точки зрения говорить об «эпохе викингов в Северной Европе», а также о ее «начале» как об универсальном историческом событии достаточно затруднительно в том смысле, в каком говорят, например, о классическом периоде в Древней Греции или даже об англосаксонской Британии.

В-третьих, реальные (и вполне революционные) перемены в Скандинавии происходили, однако они затрагивали отдельные сферы жизни, и только немногие из них непосредственно связаны с началом походов. Эти «микрореволюции» тяготеют к другим историческим датам. Так, безусловно справедливо выделение в качестве переломной эпохи VI столетия, которое для одних регионов стало началом инкубационного саморазвития, а для других — полномасштабной внешней экспансии. Судя по всему, заметные изменения были связаны с первой половиной VIII в., а не с его концом. Но наибольший интерес вызывает период около 900 г. Можно полагать, что как раз в это время накопившиеся сдвиги, вызванные походами на восток и запад, наконец дали качественный результат. Ощутимы изменения, привязанные к этому времени, во всех жизнеобразующих областях: в рунической письменности, экспериментах с государственной властью, смене типов вооружения, возникновении «гокстадского стандарта» в кораблестроении, угасании старых династий «меровингско-вендельского» образца, корректировке форм внешней экспансии, возникновении устойчивого интереса к христианству и т.д. Показательно, что длительно существующие «мини-государства», такие как хутор Борг на Лофотенах или «Вендельская держава», благополучно переживают начало походов⁹ и угасают именно к этому времени, уступая место новому политогенезу. Возможно, эти перемены были связаны с поражениями, нанесенными третьему поколению участников походов на Западе, и усилением контроля на Восточном пути, но это остается лишь гипотезой. В любом случае «начало эпохи викингов» является лишь удобной и устоявшейся формулой, требующей осторожности в применении и обширного комментирования.

Быть может, именно поэтому все чаще скандинавские исследователи включают в свои исторические обзоры период с V по XI в. как нечто вполне единое и нерасчлененное¹⁰.

* * *

¹ Хлезов А.А. Историко-культурный феномен Северной Европы I–VIII вв.: дис. ... д-ра филос. наук. СПб., 2002. С. 7–19.

² Moltke E. Runes and their origin, Denmark and elsewhere. Copenhagen: Nationalmuseets Forlag, 1985. S. 12–40.

³ Гуревич А.Я. Начало эпохи викингов (Проблемы духовной жизни скандинавов IX в. Факты и гипотезы) // Скандинавский сборник XII. Таллин: Ээсти раамат, 1967. С. 40–41.

⁴ Ilkjær J. Illerup Ådal. Ein Archaologischer Zauberspiegel. Aarhus: Aarhus University Press, 2002. S. 12–40.

⁵ Хлезов А.А. Дружина Севера как исторический феномен // Вторые Скандинавские чтения: сб. материалов. СПб., 1999. С. 49–55.

⁶ Славяне и скандинавы. М.: Прогресс, 1986. С. 139–141.

⁷ Petersen J. De Norske Vikingsverd en typologisk-kronologisk Studie over vikingetidens vaaben. Kristiania, 1919. S. 8–12.

⁸ Ibid. S. 36–48.

⁹ Schönback B. De vikingatida båtgravarna vid Valsgårde: relativ kronologi // Fornvännen. 2002. № 97. S. 1–7.

¹⁰ Jesch J. The Scandinavians from the Vendel Period to the Tenth Century: An Ethnographic Perspective. Woodbridge: Boydell Press, 2012; Hyenstrand Å. Lejonet, draken och korset. Sverige 500–1000. Lund, 2001.